

DOI: 10.33184/dokbsu-2021.5.10

Некоторые наблюдения над языком и стилем толкования Бахадиршаха ал-Кайнави к одной седьмой части Корана

И. Р. Саятбатталов

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

Email: saitbattaloff@yahoo.com

Написанное Бахадиршахом ал-Кайнави толкование к 1/7 части Корана представляет собой наиболее ранний памятник тюркоязычной мусульманской экзегетики в Урало-Поволжье, а также является крупным по объему письменным текстом на языке турки. Язык этого произведения представляет собой сложный конгломерат кипчакских, огузских и карлукских элементов, использование которых мотивировано как стилистическими соображениями, так и индивидуальными особенностями авторского изложения мыслей.

Ключевые слова: тафсир, старотюркский язык, стилистика, экзегетика, язык суфийской литературы.

Личность и наследие богослова и переписчика книг Бахадиршаха б. Суйаргула ал-Кайнави практически не исследованы и неизвестны широкой аудитории. Основными источниками сведений о его жизненном пути являются составленные в начале XX века краткие биографические очерки энциклопедиста Рида ад-Дина б. Фахр ад-Дина [5, с. 83] и историографа Мухаммада-Мурада ал-Минзалави [4, с. 415], а также сочинение «*Китаб-и шараф-ма'аб – Хафт-и йак тафсири турки тилинда*» (Книга подражания благородному – Толкование к одной седьмой части Корана на тюркском языке), написанное самим богословом. Согласно этому тексту, работа была завершена в 1805 году по христианскому летоисчислению [1, с. 3]. Нисба «ал-Кайнави» и указание на проживание в селе Каджмакты (ныне районный центр Барда Пермского края) позволяют уверенно идентифицировать автора как представителя башкирского клана Гайна.

Толкование Бахадиршаха ал-Кайнави к одной седьмой части Корана было издано в Казани в 1275 году по мусульманскому летоисчислению, что соответствует 1858–1859 годам нашей эры. Объем печатной публикации – 342 страницы. Сохранилась также минимум одна рукопись тафсира. Она находится в коллекции Института восточных рукописей РАН (шифр В 3557) и имеет объем 190 листов [2, с. 170]. Работа представляет собой пространное толкование к наиболее употребительным в религиозной практике частям мусульманского священного писания. На первой странице толкования автор

указывает, что адресаты книги – тюркские друзья (*төрки йаранлар*), а ее язык – тюркский (*лисан-и төрки*).

Лексика памятника, как и практически любого старотюркского текста первой половины XIX века, характеризуется присутствием значительного пласта арабских и персидских заимствований, выступавших чаще всего в терминологической функции: «*Бу Көрбән-и Ғәзимнең хөкме Кийәмәтә дикән бакыйдыр*» (Повеления этого Корана Превеликого вечны до самого Судного дня). Зачастую лексические заимствования выстраиваются в синонимические ряды, поясняя друг друга в отсутствие точных эквивалентов на тюркских языках: «*Фәләк Пәрүәрдигәрәнә йәғни хәлайыкның Раббына сығынамын*» (Прибегаю к Повелителю рассвета или Господу сотворенных). В собственно тюркской лексике памятника четко выделяются три пласта: исконный для языка тюрки карлукский, свойственный разговорным идиомам Урало-Поволжья кыпчакский и заимствованный огузский: «*Сәнең дошманларың улсалар, ләғнәт вә ғәзаб анлар үзә булыр*» (если станут твоими врагами, проклятие и гнев будут на них).

Фонетические варианты глаголов *быть*, *дать* и модального слова *есть* используются в вариантах на [б]: «*Кафер булдылар*» (стали неверующими), «*Хәбәр бирде пәйғәмбәр*» (Известил пророк), «*Йемешләренең һәр төрлесе бардыр*» (Есть самые разные плоды). В большинстве случаев, в которых для разных изводов тюрки отмечены колебания [б] – [м], автор отдает предпочтение фонетическим вариантам на [м], характерным для тюрки Урало-Поволжья и Средней Азии: «*Атасына әйде мундағ*» (Сказал своему отцу так), «*Мәңгү кайтмазлар*» (никогда не возвращаются). Варианты на [б] используются значительно реже: «*Бәнем кәүмем*» (мой народ), «*Ун сикез бең ғалам*» (восемнадцать тысяч миров). Встречаются в тексте и архаичные фонетические явления, в частности, колебания вариантов *ағач/йығач* (дерево), дифтонгового и согласного окончания ряда слов: «*Ул оджмахларның йығачлары*» (эти райские деревья), «*Ағырык булса*» (если будет болен).

Система морфологических показателей, выступающая как индикатор, позволяющий различить кыпчакские, огузские и карлукские элементы, в работе Бахадиршаха ал-Кайнави достаточно устойчива и тяготеет к кыпчакским и карлукским вариантам: «*Ул мәнне*» (этого человека), «*Аллаһу Тәғәләнең*» (Бога Всевышнего), «*Керер ул мән оджмахка*» (Войдет этот человек в рай). Исходный падеж зачастую оформляется связанной в центральноазиатским языковым ареалом формой *-дин*: «*Ходадин ғәйре*» (кроме Бога).

Велико в памятнике разнообразие форм причастия. Причастия настоящего времени оформляются архаичным показателем *-ғучы/-гүче*: «*Рәхим кылғучыдыр*» (оказывающий милость), а также аффиксом *-ған/-гән*: «*Дүрт китабдан алынғандыр*» (Взятое из четырех книг). Причастие будущего времени имеет форму *-чак/-чәк*: «*Ахирәтдә улачак хәлләрне тәзкирә әйләмәк өчүн*» (чтобы напомнить о делах, которые будут в вечном ми-

ре). Деепричастия выражаются исключительно с помощью показателей на -б: «*Аллаһу Тәғәләдән куркуб гонаһлар эшләмәйән бәндәләр*» (люди, не совершающие грехов, боясь Всевышнего Бога).

Система инфинитивных показателей в памятнике также разнообразна. Инфинитив на -мак/-мак выступает как в качестве собственно инфинитива, так и в качестве отглагольного имени: «*Джыймак көнөндә*» (в день сбора), «*Ғәзәб кылмакны куйсаңыз*» (Если оставите свой гнев). Императив в единственном числе выражается с помощью показателя -ғыл/-кел: «*Намаз үтәгел, әй Мөхәммәд*» (Совершай молитву, Мухаммад), а во множественном – -ңыз/-ңез: «*Белеңез, әй мөһминләр*» (знайте, верующие). Желательное наклонение с семантикой неопределенности выражается аффиксом -ғай: «*Шәфкәтеңездин мәхрүм кылмағайсызлар*» (Не лишили бы вы своего милосердия).

Синтаксические особенности памятника обусловлены его характером пословного и пофразового толкования, неотступно следующего за арабским текстом оригинала. Несовпадение порядка слов в арабских и тюркских предложениях предопределило значительное число инверсий главных членов: «*Рәхим кылғучыдыр бу донйада барча мәхлүкәнә ризықларын бирмак берлә*» ([Бог] – оказывающий милость в этом мире всем творениям наделением их пищей). Этот же фактор обусловил обилие в тексте придаточных дополнительных с союзом кем (что) и придаточных времени с союзом качан (когда), не характерных для живой речи носителей тюркских языков: «*Дин ғалимләре ишетмешләр кем, Аллаһу Тәғәләнең өч мең исемен вардыр*» (Религиозные ученые слышали, что у Всевышнего Бога есть три тысячи имен), «*Ант итәмен Кәмәр берлә, качан әйәрсә ул Ай Койашка*» (клянусь луной, когда следует эта Луна за Солнцем).

Мусульманские коранические науки отмечают, что Коран содержит значительное число стилистических и риторических фигур, в частности, метафор [3, с. 345], однако задача толкователя, работающего на другом языке – раскрыть их содержание, поэтому наиболее распространенными тропами в работе Бахадиршаха являются эпитеты и сравнения: «*Катыҕ каранғы кич*» (темный-претемный вечер), «*Күрмәгәндер күз, ишетмәгәндер колак*» (не виданный глазом, не слышанный ухом), «*Ашалмыш вә тапалмыш игүн саламы кеби*» (словно съеденная и истоптанная хлебная солома).

Толкование к одной седьмой части Корана, выполненное Бахадиршахом б. Суйаргулом в начале XIX века, является не только одним из наиболее ранних образцов мусульманской экзегетики в Урало-Поволжье, но и представляет собой объемный и сложный по структуре памятник старотюркского языка, в лексике и грамматике которого нашли отражение не только личные языковые компетенции автора, жившего на севере исторической Башкирии, но особенности тех текстов, на которые он мог опираться при работе над своим трудом. Сопоставление языковых особенностей разных фрагментов толкования может способствовать выявлению и атрибуции этих текстов. Книга «Китаб-

и шәрәф мәаб һәфт-и йәк тәфсире төрки телендә» заслуживает дальнейшего разностронного изучения и публикации.

Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (проект МК-5052.2021.2).

Литература

1. Ал-Кайнави Б. С. Китаб-и шараф-мааб Хафт-и йак тафсири турки тилинда. – Казан: типография Императорского университета, 1275 х. – 342 с.
2. Дмитриева Л. В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук / отв. ред. О. Ф. Акимушкин. – М.: Вост. лит., 2002. – 616 с.
3. Ма'рифат М. Х. Коранические науки. – М.: Садра, 2014. – 480 с.
4. Рамзи М. М. Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вака'и' Казан ва Булгар ва мулук ат-татар. Т. 2. – Оренбург: матба' ал-Каримийа ва-л-Хусайнийа, 1908. – 540 с.
5. Фахр ад-Дин Р. Асар. 1 том. – Казан: Рухият, 2006. – 360 с.

Статья рекомендована к печати кафедрой истории РБ, археологии и этнологии Башкирского государственного университета (д-р ист. наук, доц. Б. А. Азнабаев)

Some observations on the language and style of interpretation to one-seventh part of the Qur'an by Bahadirshah al-Kaynawi

I. R. Saitbattalov

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Email: saitbattaloff@yahoo.com

The interpretation of 1/7 part of Qur'an, written by Bahadirshah al-Kaynawi, is the earliest monument of Turkic-speaking Muslim exegesis in the Ural-Volga region, and is also a large written text in the Turkic language. The language of this work is a complex conglomeration of Kipchak, Oghuz and Karluk elements, the use of which is motivated both by stylistic considerations and by the individual characteristics of the author's presentation of thoughts.

Keywords: tafsir, Old Turkic language, stylistics, exegesis, language of Sufi literature.